

На правах рукописи

Абдуллоева Умедахон Бекмуродовна

**Художественный билингвизм в
творчестве Садриддина Айни
(на примере таджикского и узбекского
текстов «Смерть ростовщика»)**

**10.01.03 - Литература народов стран зарубежья
(таджикская литература).**

27 ЯНВ 2011

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Душанбе – 2010

Работа выполнена на кафедре теории и новейшей персидско-таджикской литературы Таджикского национального университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор Кучаров Аламхон

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Восиев Курбон
кандидат филологических наук
Аминов Аминджон

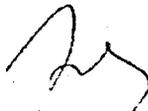
Ведущая организация: Таджикский государственный
институт языков имени С.Улуг-заде

Защита состоится «27» января 2011 года в «1»³⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 734.004.03 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Таджикском национальном университете (734025, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Таджикского национального университета (г. Душанбе, пр. Рудаки, 17).

Автореферат разослан «20» декабря 2010 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
д.ф.н. профессор

Нагзибекова М.Б.

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Двухязычие, или художественный билингвизм, являясь важным фактором процесса развития литературных связей, как правило, возникает с опорой на серьезные социально-исторические явления, в результате коренных преобразований в общественной жизни и литературе.

Сотрудничество и литературные связи народов Средней Азии своими корнями уходят в далекую древность. Таджики и узбеки, проживая вместе и по соседству, на протяжении многих столетий, имеют много общего в судьбах, национальных традициях, нравах и обычаях, религии и вере, культуре и мировоззрении и даже в манере ношения одежды.

Таджикско-узбекский билингвизм является плодом многовековой дружбы и сотрудничества этих двух наций. Согласно мнению И.С.Брагинского, «явление таджикско-узбекского билингвизма в творчестве писателей Средней Азии в основном берет свое начало в XI веке. В XIX-XX вв. билингвизм поднимается на новую ступень своего развития. Так, если до XVI в. билингвизм был характерной особенностью творчества отдельных поэтов, то в XVIII-XIX вв., в сущности, было невозможно найти поэтов, которые бы творили только на одном языке, а те, что и встречаются, не пользуются особой популярностью и известностью. Напротив, в эти века каждый известный поэт, как правило, творил на двух языках» (6,206).

Таджикско-узбекский билингвизм, став, особенно плодотворным процессом в XV-XIV вв. (начиная с творчества Алишера Навои), поэтапно развивался и в последующие периоды. В XIX-XX вв. билингвизм, обретя совершенно иной статус и положение, получает бурное развитие. В результате на литературной арене появляется плеяда новых двухязычных личностей. Если до XVIII в. узбекские поэты сочиняли свои произведения и на таджикском языке, то начиная с XIX в. наблюдается противоположное явление.

Одним из ярчайших последователей этой традиции является Садриддин Саидмуродходжа Айни (1875-1954). Подтверждением тому служит тот факт, что Айни на закате жизни перевел две части своих «Воспоминаний» на узбекский язык. Поэтому при изучении литературной деятельности С.Айни определенное значение обретают и его произведения, созданные на узбекском языке. Наряду с художественными произведениями на узбекском языке, устодом Айни на этом языке также написано множество статей на разные темы социального характера, которые отражают отношение писателя к важнейшим событиям времени. В целом, большинство произведений С.Айни изначально создавались на таджикском языке, однако некоторые из них, как «Рабы», были первоначально написаны на узбекском языке. Исходя из этого, изучение и исследование билингвистической деятельности «аксакала таджикской и уз-

бекской литературе» (Айбек) – Айни обретает особую значимость и актуальность в определении особенностей развития литературных взаимосвязей этих двух соседствующих друг с другом народов в новых исторических условиях.

Степень изученности проблемы. Несмотря на обилие статей и научно-исследовательских работ литературоведов, как «Проблемы творчества С.Айни» И.С.Брагинского, «Связь времен и народов» М.Шукурова, «Роман «Рабы» Айни, как исторический роман» С.Табарова, «Школа Айни» А.Сайфуллаева, «Путь Садриддина Айни – поэта» Х.Ниязова, «Ремарки к комментариям биографии С.Айни» Х.Асозода, «Критика текста и проблемы текстологии С.Айни» С.Кучарова, «История создания романа С.Айни «Рабы» А.Урунова, «Нива творчества Айни» М.Хасанова, «К истории узбекско-таджикских литературных связей (XIX – начала XX вв.)» Э.Шодиева, «Песня дружбы» Ё.Исхакова, «Двуязычия и перевод», которые в какой-то степени проливают свет на проблему двуязычия, билингвистическая деятельность С.Айни до сих пор не стала предметом отдельного комплексного исследования.

Цель и задачи исследования. Целью данной работы является всестороннее и более полное изучение и исследование билингвистической деятельности С.Айни, его роли в развитии таджикско-узбекских литературных взаимосвязей. Для достижения указанной цели определены следующие задачи:

1. Художественный билингвизм, создавая благоприятные условия для укрепления литературных связей и дружественных отношений во все времена обладали особой значимостью в таджикской и узбекской литературах. Однако, несмотря на это, данная проблема до сегодняшнего дня так и не стала предметом серьезного исследования. Поэтому одной из задач данного исследования является определение значения билингвизма в таджикской и узбекской литературах и роли этого явления в социально-политической и культурной жизни этих народов.

2. Как яркий представитель билингвизма таджикской и узбекской литератур, Айни, внося определенные новшества в эту традицию, способствовал еще большему развитию и совершенствованию данного явления. В процессе изучения билингвистической деятельности С.Айни возникает необходимость исследования других проблем теоретического характера, одной из которых является проблема автоперевода. По этой причине в диссертации подвергаются исследованию не только билингвистическая деятельность Айни, но и авторский перевод, на примере таджикского и узбекского текстов повести «Смерть ростовщика».

3. Многие завершенные до сегодняшнего дня, исследования относительно литературной деятельности С.Айни в основном посвящены вопросам жизни и творчества писателя, в особенности анализу его отдельных произве-

дений. Что же касается некоторых статей и диссертаций, рассматривающих проблемы билингвизма С.Айни, они, как правило, охватывают лишь отдельные аспекты данного вопроса и порой не лишены некоторых погрешностей. В диссертации предпринята попытка более полного охвата билингвистической деятельности С.Айни и выявления сущности данного вопроса.

4. Для более подробного рассмотрения проблемы автоперевода С.Айни встает необходимость сравнительного анализа таджикских и узбекских текстов произведений писателя. Исследование литературных текстов является одной из задач текстологии. Поэтому при исследовании билингвистической деятельности и автоперевода С.Айни (на примере таджикских и узбекских текстов повести «Смерть ростовщика») следует также использовать текстологические методы исследования.

Методологической основой диссертации послужили историко-сравнительный и текстологический методы анализа, и широко применяемые в научных исследованиях отечественных и зарубежных исследователей, как Иржи Бечка, И.С.Брагинский, Е.М. Верещагин, А.Д.Швейцер, И.Левий, Ч.Г.Гусейнов, М.Дададжанова, Р.Т.Туксаитова, С.Табаров, М.Шакури, Н.Маъсуми, А.Сайфуллаев, Х.Асозода, А.Кучаров, С.Азимов, Х.Ниязов и др.

Научная новизна диссертации определяется, прежде всего, предметом исследования. Билингвистическая деятельность С.Айни, роль этого явления в укреплении процесса литературных связей во взаимосвязи с исторической, социально-политической ситуацией в таджикском литературоведении в монографическом плане рассматривается впервые.

Теоретическая и практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования материалов и положений исследования в дальнейшем изучении таджикского литературного билингвизма и раскрытии одного из важных аспектов творчества С.Айни. Результаты диссертационного исследования также могут быть использованы в учебном процессе высших учебных заведений на филологических факультетах в связи с изучением истории таджикской и узбекской литератур, проблем билингвизма в рамках спецкурсов.

Источниками и материалом исследования стали произведения С.Айни, в особенности таджикский и узбекский тексты повести «Смерть ростовщика», дневники, воспоминания и письма писателя, также воспоминания друзей и учеников о литературной деятельности писателя и научные работы, посвященные творчеству писателя.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на расширенном заседании кафедры теории и новейшей персидско-таджикской литературы Таджикского национального университета 23 ноября 2010 года, протокол № 5. Результаты и выводы диссертации нашли отраже-

ние в четырех публикациях на страницах журналов, вошедших в Перечень ВАК Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и список использованной литературы.

Основное содержание работы

Во Введении определяются предмет и основные проблемы исследования, обосновывается актуальность темы, формулируются цель и задачи, исходные методологические послылы работы, описывается ее структура.

Первая глава – «Традиция художественной билингвизма в таджикской и узбекской литературах» - состоит из двух разделов. **Первый раздел – «Из истории художественной билингвизма таджикской и узбекской литературы»** - охватывает историю дружественных, родственных отношений и таджикско-узбекских литературных взаимосвязей.

Билингвизм представляет собой сложное социально-историческое явление, проявление которого можно выявить исходя из нескольких факторов. Таковыми факторами являются совместное проживание в одном регионе или пространстве нескольких наций, захват территории одного народа другим и введение в обиход, в качестве государственного, титульного языка, социальная атмосфера и литературно-культурные взаимосвязи, а также обучение иностранным языкам.

Наивысшей степенью освоения второго языка является художественный билингвизм или, выражаясь иначе, двуязычие. Этот уровень билингвизма подразумевает владение двумя языками в совершенстве и умение в равной степени творить на этих двух языках. Достигнув этого наивысшего уровня билингвизма, человек настолько хорошо овладевает вторым языком, что даже может творить на нем художественные произведения.

Отмечая более двух тысячелетнюю историю литературных взаимосвязей и дружественных уз таджиков и узбеков, академик Б.Гафуров, писал: «Тюркский элемент устойчиво внедрился в структуру общества Средней Азии в VII-VIII вв. ... между эпосом и поэзией тюркского народа и литературой оседлых народов Средней Азии существовало взаимовлияние... Начиная с этого времени не только начинается синтез обычаев, религиозных воззрений, обрядов и культуры ираноязычных и тюркоязычных народов Средней Азии, но и продолжается его интенсивное развитие» (7,223).

В XIV веке в таджикской и узбекской литературах традиция билингвизма получает небывалое развитие. XV-XVI вв. характеризуются как период укрепления литературных взаимосвязей и вхождения в обиход традиции двуязычия. В этот период, благодаря дружбе и сотрудничеству Джами и Навои,

усиливаются таджикско-узбекские литературные связи и закладываются основы для их дальнейшего развития. В XVIII-XIX вв. это явление обрело такой широкий размах и популярность, что почти все известные поэты творили свои произведения в равной степени на двух языках.

Разделение во второй половине XVIII и первой половине XIX века Средней Азии на ханства Хивы, Бухары и Коканда также обусловило развитие этого литературного явления. В каждом ханстве формируются литературные круги, в результате чего происходит уравнивание положения языков, и почти все поэты обратились к традиции двуязычия. Узбекские поэты Машраб, Турди, Нодира, Адо, Нозил, Хиджлат, Увайси и Амири творили свои произведения на родном и таджикском языках. Гази, Махмур, Гулхани, Хотиф, Хиджлат, Нола, Халис, Рамзи, Пари, Ринди, Касрат и Гулхани, Дилшоди Барно, Камбархон Худжанди, Муаттархон и Анбар Отин также были прославленными двуязычными стихотворцами того времени. Они настолько естественно и непринужденно писали как на узбекском, так и на таджикском языках. До сих пор трудно определить, к какому из этих народов они на самом деле принадлежали. Касаясь данного явления, С.Азимов отмечает, что «в творчестве этих поэтов таджикский и узбекский языки, подобно двум чашам весов, использовались в равной степени. Поэтому для определения места и роли этих поэтов в литературе необходимо изучение как таджикских, так и узбекских их стихов» (1,8).

Во втором разделе первой главы – «Билингвизм таджикской и узбекской литератур в новое время» – исследованию подвергается состояние билингвистической деятельности таджикских и узбекских писателей, начиная с конца XIX века до начала XXI века. С учетом характерных особенностей и развития, литературные связи и традиции билингвизма таджикского и узбекского народов в новое время необходимо разделить на два периода: 1. До начала ВОВ; 2. Годы ВОВ и послевоенный период.

1. До начала ВОВ. В XIX-XX вв. двуязычие обретает значительную популярность, и на литературной арене появляются новые двуязычные художники слова. Известными узбекскими поэтами-билингвистами этого времени были Амнихуджа Муками (1860-1903), Фуркат (1868-1909), Юсуф Сарёми (1840-1912), Завки (1863-1921). Эти стихотворцы творили в традициях персидско-таджикской литературы и имели очень близкие, дружественные отношения с таджикскими поэтами. Согласно утверждению Э.Шодиева «все узбекские поэты этого периода (конец XIX и начало XX вв. – А.У.), будучи двуязычными, не только писали свои стихи на таджикском языке, но и такие поэты, как Табиби, Васли, Мухи, Анбар Отин, имели стихи, составленные одновременно на двух языках» (9,17).

Наряду с этим, по причине националистической политики пантюркистов, активизировавшихся в период русских революций 1905 и 1917 гг. и Бухарской революции 1920г., узбекский язык и литература обретают первостепенное значение в обществе Фароруда. «После Октябрьской революции 1920 г. в Бухаре к власти пришли пантюркисты, облачившиеся в одеяние панузбекизма, и стали действовать в соответствии со своими претензиями (то есть, заявляя, что в Средней Азии нет такой нации, как таджики). Школы и просвещение, печать и издательства, без исключения, были переведены на рельсы узбекского языка, и был наложен запрет говорить на персидском языке в госучреждениях», - пишет М. Шаури в предисловии к книге «Образцы таджикской литературы», изданной в Иране (10,2). Это обстоятельство также обусловило подъем билингвистической деятельности таджикских писателей.

В таджикской просветительской литературе славу писателей-билингвистов обрели такие художники слова, как Возех (1864-1893), Савдо (1823-1873), Кошиф (1825-1888), Асири (1864-1915), Карим Девана (1878-1916), З.Джавхари (1860-1945), Фаёз (147-1934), Садри Зиё (1867-1932), Саидахмад Адджи (1864-1927), Махмудходжа Бехбуди (1875-1919), С.Айни (1878-1954), Абдурауф Фитрат (1886-1937), Хамза Хакимзаде Ниязи (1889-1929) и др.

В конце 20-х и начале 30-х гг. XX в. наряду с основоположниками таджикской и узбекской литератур – С.Айни и Х.Х. Ниязи, на литературной арене появляются новые творческие личности – Дж.Икрами, С.Улугзаде, А.Дехоти, Г.Гулям, А.Каххар, А.Алимджан, к которым позже присоединяются П.Сулеймани, Роджи, Гани Абдулло, Бахриддин Азизи, Самад Гани, Ф.Ниязи, так же писавшие свои произведения и на узбекском языке.

Через некоторое время обстановка несколько изменилась. После образования в Самарканде Самаркандского отделения ТГИ (1927) таджикские писатели могли беспрепятственно творить свои произведения на родном языке. Теперь традиция билингвизма не диктовалась требованием времени или политическими установками пантюркистски настроенных чиновников у власти и обрела некоторую свободу выбора. Писатели-билингвисты, продолжая традицию родной литературы, произвольно писали на двух языках.

2. Годы ВОВ и послевоенный период. В тяжелые годы ВОВ традиция билингвизма не была прервана, и одним из ее активных продолжателей так же был С.Айни. С первых же дней войны писатель использовал все свои творческие силы и талант во имя победы над фашизмом. Все свои вдохновляющие и поднимающие дух народа стихи С.Айни писал то насыщая их нотами гнева и возмущения, то наполняя торжественными мотивами и приравнивал свои публицистические статьи, состоящие из назиданий, острой, разящей сатиры в духе классиков, к штыку. Такие произведения, как «Чингиз XX

века» (1941), «Семиглавый див» (1941), «Родина – Мать» (1942), «Шерзод» (1942), «Бесхвостый осел» (1943) и «Двадцать пять славных воинов Красной Армии», являются плодами его творчества этого периода. Спустя два года после начала Великой отечественной войны на таджикском языке была опубликована научно-исследовательская работа С.Айни «Алишер Навои» (1947) и на узбекском языке книга «Алишер Навои и таджикская литература» (1948). В эти годы на двух языках творили также свои стихотворения и прозаические произведения такие поэты и писатели, как Аширмат Назаров, Ходжи Содик, Соме Одинаходзода, Сулейман Эрматов и Гулшани. Некоторые из них, к примеру, Гулшани, составляли диваны своих стихов на таджикском и узбекском языках.

До тех пор, пока сохраняются литература, литературные взаимосвязи и бок обок живут разные народы и народности, традиция билингвизма будет играть важную роль в духовной жизни народов. Все эти явления литературного двуязычия, будучи важными историческими событиями, сыграли неопределимую роль в развитии дружбы и мира между народами, углублении литературных и культурных взаимосвязей.

Вторая глава диссертации – «Отражение двуязычия в творчестве Садриддина Айни» – состоит из трех разделов, первый из которых называется «Основы билингвистической деятельности устода Айни».

С.Айни, воспитывался и достиг совершенства в атмосфере, которая в основном складывалась в условиях таджикоязычного общества. Но при этом в селении писателя Соктаре «... высокопоставленные сановники говорили на узбекском языке и в отличие от арабов, проживавших в других местах, арабы этих мест также говорили на узбекском языке» (4,8).

Такое положение дел позволило писателю еще в детские годы приобрести к узбекскому языку. Позже на четвертом году обучения в Бухаре (1894) через одного из однокашников он получил возможность познакомиться с газетой «Переводчик» («Тарджумон»), издаваемой в Крыму. Материалы и содержание данного издания побуждают пытливого студента медресе серьезно заняться изучением турецкого языка. По словам С.Айни, до знакомства с газетой «Тарджумон» он, помимо узбекского языка, не имел никакого представления о тюркских языках, в частности, татарском языке (3,67).

Одной из причин, побудивших С.Айни заняться изучением языков, было то, что в те времена в Бухаре не издавалось ни одной газеты или журнала на таджикском языке, в то время как именно благодаря газетам и журналам писатель мог получать информацию о политической, социальной и культурной ситуации в мире. Исходя из этого, газета «Тарджумон» сыграла важную роль в развитии мировоззрения девятнадцатилетнего Садриддина и познании языков. Безграничный интерес С.Айни к творческому мастерству Навои и Физу-

ли также пробудили в сердце молодого писателя любовь к узбекской литературе. В своем произведении «Моя краткая биография» С.Айни пишет: «... я очень любил поэзию, и хотя не полностью понимал их содержание, мелодия стихов завораживала меня, и я старался заучить некоторые из них наизусть. Таких поэтов, как Саади, Хафиз, Бедиль, Соиб, Навои и Физули я воспринимал как «провидцев» (3, 7).

В начале XX века внимание С.Айни в большей степени приковывают к себе судьбы трудового народа. Единственный путь спасения от невежества и незнания писатель видел в просвещении и науке и поэтому для построения новой жизни считал необходимым сделать общество грамотным и просвещенным. В 1907 году в Бухаре была создана новометодная татарская школа, но она не давала желаемых результатов для учащихся Бухары, которые, не говоря о татарском языке, не знали даже и узбекского языка. Поскольку С.Айни мечтал открыть в Бухаре новометодную таджикскую школу, обратился с просьбой к татарскому учителю разрешить ему некоторое время поработать в его школе: « Я сказал татарскому учителю: - Если вы согласитесь, я буду работать в вашей школе, бесплатно исполняя роль переводчика. Переведа на таджикский язык ваши уроки. Раздам ученикам и буду переводить им на таджикский, с пояснениями, каждое ваше занятие (я в то время через знакомство и чтение периодической печати освоил татарский язык настолько, что сносно мог переводить с него)» (3, 7).

Проработав в этой школе шесть месяцев, С.Айни осваивает методику преподавания и в ноябре 1908 года вместе со своими друзьями Ахмаджоном Хамди, Мехри и Абдулвахидом Мунизимом открывает новую таджикскую школу в доме Мунизима. С.Айни составляет для учащихся этой школы такие учебники, как «Тартилул-Куръан» (1909) и «Тахзибус-сибён» (1910), и примерно в эти же годы пишет на узбекском языке книгу «Комментарии к обучению Корана» («Куръоннинг ўқитилиш тафсирига доир»). По нашему мнению, первые шаги С.Айни к билингвизму берут свое начало в эти времена, так как первым произведением С.Айни на узбекском языке является учебное пособие «Комментарии к обучению Корана», которое было издано в 1909 г. в №21 журнала «Шуро» в Оренбурге.

Позже узбекский язык становится для писателя вторым родным языком, и он систематически пишет свои публицистические статьи и стихотворения на двух языках. Узбекский исследователь С.Азимов подчеркивает, что для С.Айни таджикский и узбекский языки имели равнозначное значение: «Таджикский и узбекские языки для С.Айни были словно два крепких крыла одной птицы. В журнале «Пламя революции» и газете «Голос труженика» на двух языках, под разными подписями, регулярно печатались статьи и произведения устода Айни» (1, 9).

Некоторые литературоведы придерживаются мнения, что обращение С.Айни к двуязычию было продиктовано социально-исторической обстановкой времени и носило вынужденный характер. Возможно, что это было на первых порах, но полностью с такой точкой зрения нельзя согласиться. Билингвистическая деятельность устода Айни, прежде всего, объясняется его талантом, ибо и после того, как Таджикистан становится самостоятельной республикой, он не отказывается от такой формы деятельности. На самом деле были писатели, которые по ряду известных причин временно творили свои произведения на двух языках, но после обретения таджиками своей государственности отошли от билингвистической деятельности и не обрели, подобно С.Айни, славу двуязычного художника слова.

Второй раздел второй главы диссертации назван «Билингвизм С.Айни в поэзии и публицистике». С.Айни встретил победу Октябрьской революции с воодушевлением, связав свою жизнь и творчество всецело с судьбой трудовых слоев общества. Он создал первые образцы новой таджикской поэзии. Заложив основу современной (советской) таджикской литературы, создавая также произведения на узбекском языке, он внес неоценимый вклад в формирование и развитие новой узбекской поэзии. Вот как С.Айни описывает в «Воспоминаниях» годы своей учебы в медресе Бадалбека: «Тем летом я много времени отдавал занятиям литературой. По несколько раз повторно читал диваны стихов Сомба и Джами. Я имел в своем распоряжении также небольшой сокращенный диван стихов Навои, написанный рукой отца, который частенько тоже перечитывал, стараясь изучить тюркский язык и тюркскую поэзию» (3,48).

Выясняется, что отец С.Айни – Саидмуродходжа так же знал тюркский язык и с удовольствием читал газели Навои. Именно отец рекомендовал сыну тюркские стихи Навои. Поэтому устод С.Айни начал сочинять стихи и на узбекском языке. Первое узбекское стихотворение С.Айни было написано в 1913 году. Стихотворение «Прошлое и настоящее» («Мозӣ ва ҳол»), «Скорбь» («Ҳасрат»), «Обращение к молодежи» («Нидо ба ҷавонон»), «Элегия Мирзо Сироджиддину Хакиму Бухарскому» («Марсия ба Мирзо Сирочиддин Ҳақими Бухорӣ») являются ярким примером творений С.Айни на таджикском и узбекском языках.

В 1917-1920 гг. устод С.Айни больше писал на узбекском языке. Созданные им в эти годы узбекские стихи ничем не уступают его же стихотворениям на таджикском языке. Можно с уверенностью констатировать, что в Средней Азии поэт был одним из первых, кто отразил преимущества новой жизни общества в своих таджикских и узбекских стихотворениях. Это были стихотворения «Марш свободы», «В честь Октябрьской революции», «Революция», «Первое мая» и др., в которых звучат призывы к укреплению дости-

жений нового строя. В целом С.Айни в первые годы Октябрьской революции создавал свои поэтические произведения на двух языках. В качестве примера можно сослаться на такие стихотворения, как «О трагедии шиитов и суннитов» (1910), «По случаю закрытия газеты «Туран» (1912), «Скорбь», «Обращение к молодежи» (1913), «Воспоминания о прошедшем», «Не продавайте землю» (1917), «По случаю миграции в Самарканд», «Рассказ о червячке и мотыльке», «Память о чужбине или о Родине» (1917), «Марш свободы», «Песня свободы», «Октябрьская революция», «Печаль» (1918), «Первый май» и др.

В 20-е гг. XX века и последующие годы С.Айни вскрывал пороки старой жизни не только в своих стихотворениях, написанных на двух языках – узбекском и таджикском, но и в своих острых публицистических статьях. Основной тематикой большинства статей Айни является национально-освободительная борьба угнетенных народов Востока. Газеты и журналы 20-х годов – «Пламя революции», «Зарафшан», «Машраб», «Дубинка», «Голос труженика», «Образование и обучение», «Революция» и «Голос таджика» – являются зеркалом публицистической деятельности С.Айни. Опубликованные в них статьи и стихи, отражая насущные проблемы времени, были направлены на защиту интересов трудящихся.

Таким образом, творчество С.Айни, сформировавшееся на двух языках в предреволюционный период и впервые годы революции, в основном включало поэтические произведения и публицистические статьи. Писатель-борец, успешно работая в этих двух видах литературного творчества, занимает достойное место в истории развития революционной таджикской и узбекской поэзии и публицистики.

Третий раздел второй главы диссертации – «Автопереводческая деятельность С.Айни в художественной прозе» – посвящен анализу прозаических произведений писателя, в которых повествуется о жизни таджикского и узбекского народов. Произведения С.Айни по своему содержанию и постановке проблем в равной степени близки мировосприятию таджиков и узбеков, и именно поэтому его творчество пользуется огромной популярностью и у узбекских читателей.

Айни написал на таджикском и узбекском языке почти тысячу крупных и небольших произведений, среди которых такие известные сочинения, как «Бухарские палачи» (1920-1922), «История бухарской революции» (1920-1926), «Одина» (1924), «Дохунда» (1930), «Смерть ростовщика» (1939-1952), «Рабы» (1934), «Старая школа» (1935), «Сирота» (1940) и «Воспоминания» (1949-1954). Вышеприведенные произведения имеют как таджикский, так и узбекский варианты редакции, сделанные рукой самого автора.

Почти все произведения С.Айни имеют по два таджикских и узбекских экземпляра, второй из которых появился в процессе авторского перевода. По этой причине в этом разделе краткому анализу подвергаются различия перевода и автоперевода в связи с переводческой деятельностью С.Айни.

Когда произведение переводит профессиональный переводчик, учитываются права автора и задачи переводчика. В этом случае переводчик находится в определенных рамках. Он стремится по мере возможности сохранить стиль и содержание переводимого произведения. Это накладывает на него огромную ответственность перед автором. Кроме того может случиться, что события и явления, отображаемые в произведении, возможно, являются чуждыми для переводчика и существует огромная разница между социально-философским мировоззрением переводчика и автора произведения. Различные стили, приёмы художественного изображения не позволяют добиться полного сохранения структурно-композиционных, художественно-стилистических особенностей оригинала. Поэтому за редким исключением перевод воспринимается как безупречная копия оригинала.

В случае, когда автор переводит свое произведение, он полностью свободен и не ограничен какими-либо рамками и условностями. Все проблемы, с которыми сталкивается профессиональный переводчик, при автопереводе ложатся на плечи автора произведения. Но поскольку ему нет необходимости вживаться в образы своего произведения, подбирать ключи к собственному стилю и языку, он волен в процессе перевода вносить новую редакцию, менять очередность глав, сокращать некоторые из них и даже дописывать новые главы, с учетом интересов и художественного вкуса новых читателей. В этом случае появляется также возможность использования пословиц и поговорок, а также стихотворных фрагментов.

В условиях билингвизма естественно обращение писателя к автопереводу. Каждый писатель обладает индивидуальным стилем. При переводе своих произведений на русский или узбекский языки С.Айни требовал от переводчиков сохранения его стиля. Порой случалось и так, что С.Айни, не удовлетворенный работой переводчиков (в особенности переводами на узбекский язык), сам брался за переводы собственных сочинений. Так, к примеру, когда УГИ намеревалось перевести и издать «Одину» С.Айни на узбекском языке, устод С.Айни сам взялся за перевод данного произведения. Он же осуществляет в 1952 году новую редакцию романа «Дохунда», переведенного в 1932 году на узбекский язык Бузруком.

При переводе на узбекский язык или с узбекского на таджикский язык своих произведений С.Айни выбирал свободный (вольный) перевод. Подходя творчески к этой работе, он, как правило, учитывал особенности второго языка и эстетический вкус читателей и вносил в первый вариант изменения,

т.е. осуществлял их новую редакцию. Благодаря новой редакции тексты произведений проходили шлифовку и доводились до совершенства. Поэтому с полной уверенностью можно сказать, что произведения С.Айни, созданные на двух языках, не были переводами, а каждое из них в отдельности воспринимается как оригинальное сочинение.

Таблица автопереводов Садриддина Айни, на двух языках

Название произведения на таджикском языке	На узбекском языке	Жанр произведения	Год издания	Первое издание
«Тартил-ул-Куръон»	«Куръоннинг уқитилиш тафсирига доир»	учебник	1909 1909	на тадж.
«Чаллодони Бухоро»	«Бухоро жаллодларининг узаро мусохаба-лари»	повесть	1922 1937	на узбек.
«Таърихи инкилоби фикрӣ дар Бухоро»	«Бухоро инкилоби тарихи учун материаллар»	научный	1926 2003	на узбек.
«Ахгари инкилоб»	«Инкилоб учқунлари»	стихотворения	1923 1923	на тадж.
«Саргузашти як тоҷики кам-бағал»	«Одина ёки бир камбағал тоҷикнинг саргузашти»	роман	1924- 1926 1931	на тадж.
«Дохунда»	«Дохунда»	повесть	1930 1952	на тадж.
«Аҳмади девбанд»	«Аҳмад девбанд»	роман	1934 1935	на узбек.
«Ғулмон»	«Куллар»	рассказ	1934 1935	на тадж.
«Мактаби кӯҳна»	«Эски мактаб»	повесть	1937 1946	на тадж.
«Марги судхӯр»	«Судхӯрнинг ўлими»	повесть	1946 1953	на тадж.
«Эсдалиқлар»	«Еддоштҳо»	роман	1949- 1954	на тадж.

Особенности авторских переводов С.Айни можно выявить путем сравнительного анализа таджикского и узбекского вариантов текста одного и того же произведения. На этом основании третья глава диссертации – «Билингвистические способности С.Айни в повести «Смерть ростовщика» - посвящена сравнительному анализу повести «Смерть ростовщика» издания 1947 г. (узбекский) и издания 1952 г. (таджикский). Эта глава состоит из двух разделов и семи параграфов.

Первый параграф первого раздела называется «Из истории создания повести». К созданию повести «Смерть ростовщика» писатель приступает в 1937 году. Процесс создания таджикской редакции повести подробно и точно исследовали профессор А.Кучаров и Н.Каландаров. Согласно их изысканиям, первая редакция «Смерти ростовщика» была завершена 30 декабря 1937 года и после повторного редактирования в том же году издана в журнале «За социалистическую литературу». Затем в 1939 году данная повесть была издана в форме книги (8, 50-51).

В начале 50-х годов С.Айни, еще раз просмотрев таджикский текст повести «Смерть ростовщика», обнаружил некоторые недостатки и несоответствия в сюжете, композиции, расположении глав произведения и осуществляет его серьезную редакцию. «Я давно носился с идеей доработки и повторного редактирования «Смерти ростовщика», - писал С.Айни, - но это никак мне не удавалось, наконец, в этом 1952 году мне выпала возможность произвести повторную доработку повести, в процессе которой мною были исправлены основные недостатки данной книги» (5, 183).

Под «недостатками произведения» писатель подразумевал отсутствие в повести участия народных масс, недостаточно яркое отображение грабительства дехана и бедняков со стороны Кори-Ишкамбы и других грабителей-ростовщиков. Некоторые исследователи придерживаются мнения, что описание событий, связанных с проникновением Кори-Ишкамбы и его сотрапезников в селение, где они занимались немислимыми поборами и грабительством жителей кишлака, было осуществлено именно в таджикском тексте повести «Смерть ростовщика» в 1952 году.

Однако, как выясняется из исследования А.Кучарова, дополнительные главы (10-12) были внесены в повесть еще в 1938-1939 годах, в процессе редактирования узбекского текста произведения: «Идея о необходимости внесения добавлений касательно ростовщической деятельности Кориисмата в селении, впервые закралась в сердце С.Айни после того, как им узбекский текст «Смерти ростовщика» был отправлен в УГИ (29 августа 1938 г). Тогда он, востребовав обратно рукопись повести, внес в нее три новые главы (10-12 главы), посвященные событиям проникновения Корисмата в селение» (8, 127).

Таким образом, С.Айни, осуществив новую редакцию узбекского текста, в январе 1939 года вторично отправляет его в УГИ. В результате с большими трудностями узбекский вариант повести «Смерть ростовщика» («Судхўрнинг ўлими») в 1947г. все же выходит в свет. Если учитывать первоначальное составление таджикского текста и последующие редакции таджикского и узбекского текстов, можно констатировать, что повесть была отредактирована на узбекском языке дважды, а на таджикском языке – несколько раз.

Второй параграф первого раздела данной главы диссертации называется – «Изменения в композиции». В композиции таджикских и узбекских текстов повести «Смерть ростовщика» наблюдаются значительные различия, которые подробно рассматриваются в диссертации. В частности, в узбекском тексте полностью исключена глава, в которой описывается путешествие студента медресе в Розмоз. В процессе авторского перевода повести «Смерть ростовщика» на узбекский язык сокращению также подвергнуты поэтические фрагменты, присутствующие в таджикском тексте. Нижеприведенная таблица наглядно демонстрирует состояние автопереводов узбекского текста на таджикский язык с точки зрения композиции:

Таблица композиции таджикских и узбекских текстов повести «Смерть ростовщика»

Таджикский текст (1939)	Узбекский текст (1947)	Таджикский текст (1952)
Нет введения	Нет введения	Введение есть
Эпиграф есть	Нет эпиграфа	Нет эпиграфа
Главы		
I	I	I
II	II	II
III	III	III
IV	IV	IV
V	V	V
VI	VI	VI
VII	VII	VII
VIII	VIII	VIII
IX	IX	IX
X		X
XI	XIII-XIV	XI
	XV	XII
	XI	XIII-XIV
XII-XIII	XII	XV
XIV	XV-XVI	
	XII	XVI
	XVIII	XVII
XV	XIX	XVIII

Второй раздел третьей главы диссертации – «Особенности стиля и художественных средств выразительности в таджикском и узбекском текстах» – состоит из четырёх параграфов. В этой раздел посвящён сравнительному анализу и выявлению различий стиля при создании образов, харак-

теров, портретов, художественных деталей и выразительных средств в узбекских и таджикских текстах повести.

С.Айни, сократив в процессе автоперевода (узбекский текст 1946г.) события путешествия студента медресе, имевшие место в тексте 1939 года, в новой таджикской редакции 1952 года вновь восстанавливает их. Дополнительно включенный эпизод путешествия студента медресе помещен в 10 главе повести, в которой действуют также такие образы, как отец байского сына, самоварщик, Арбобхатам, курносый Халикишан, крючконосый Розикхалифа.

В таджикском тексте повести писатель настолько мастерски изображает это опасное путешествие, что читатель, невольно представляя себя на месте путешественника, приобщается к его мукам и мытарствам. Содержание 10 главы, по замыслу автора, способствует решению многих проблем произведения, усиливая сатирическую направленность таджикского текста.

В целом, 10 глав таджикского текста сыграли важную роль в совершенствовании содержательно-художественной стороны произведения, однако писатель, по какой-то причине сократив это путешествие в узбекском тексте, вновь включает его в текст 1952 года.

Рассказчик (студент медресе) в повести «Смерть ростовщика» является связующим звеном между читателем и героем произведения. Важные и характерные особенности образов произведения доводятся до читателя именно посредством вмешательства рассказчика. Например, благодаря преследованиям студента медресе раскрывается жадность натуры, алчность и недоверие Кори ко всем людям без исключения. Особенность характера Кори – подозревать каждого – раскрывается через образ Рахима Канда.

Когда рассказчик узнает о том, что Кори подозревает даже себя, он отказывается от желания познакомиться с ним ближе. После некоторого времени сам Кори ищет случая побеседовать с рассказчиком:

узбекский текст:

Над моей головой раздался чей-то голос:

– Саяламалейкум, – прозвучавший словно чтение молитвы.

Подняв голову и посмотрев, я увидел, что это Кори-Ишкамбы, ковырявшийся зубочисткой в зубах (2,31).

таджикский текст:

Затем над моей головой зычным голосом чтеца молитвы:

– Саяламалекум! – прозвучало что-то приветственное. Подняв голову, я посмотрел на приветствующего, которым оказался Кори-Ишкамба и он зубочисткой из тамариска, ковыряясь в зубах, доставал рукой кусочки еды, извлеченные зубочисткой, разглядывал их и затем, повторно положив их в рот, проглатывал (5, 37-38).

В таджикском тексте последнее предложение, раскрывающее еще одну из омерзительных особенностей черт характера Кори, не желающего расста-

ваться даже с отходами еды, застрявшей в его зубах, вызывает не только смех, но и отвращение читателя к этому образу. Однако, этот сатирический эпизод в узбекском тексте отсутствует, все сводится лишь к одному простому предложению: «Кори-Ишкамба с еле заметной улыбкой ковырялся в своих зубах» (2,31).

При авторском переводе некоторые изменения внесены и в другие образы произведения, в том числе и в образ Рахима Канда:

узбекский текст:

Я тоже иногда садился напротив и слушал речи «Рахима Канда». Вот и сегодня я отправился туда и сел на ту софу.

«Рахим Канд» - очень интересный человек с высокого роста, худощавый, с немного вытянутым лицом, на котором росла редкая бородёнка. Я всегда с большим интересом и вниманием слушал его рассказы (2, 17).

таджикский текст:

...я, иногда садясь на пёс, вел беседы с этим продавцом сладостей. Так как он был очень интересным человеком, речь его была для меня занимательна, и слушать его рассказы и приключения доставляло мне удовольствие (5,23).

В таджикском тексте писатель сокращает описание портрета Рахима Канда, и, по нашему мнению, этот автоперевод оказался не в пользу таджикского текста.

Таким образом, в таджикской редакции 1953 года С.Айни еще больше расширил границы деятельности персонажей и добился детализации в изображении различных граней поступков и размышлений основного образа Кори- Ишкамбы.

Одной из особенностей стиля произведений С.Айни является краткость. В этих случаях писатель, мастерски используя детали, одной фразой или одним предложением побуждает читателя дойти до сути явления. Помимо этого писатель в создании художественных произведений широко и, весьма кстати использует различные разговорные жанры.

Бережное отношение к каждому слову при переводе хорошо видно в использовании им слова заркафил (буквально – денежный поручитель, золотопосредник – У.А.). Слово «заркафил» в прошлые времена, являясь одним из способов денежного обращения, определяло взаимоотношения между ростовщиком и заемщиком. Золотопосредник (заркафил) был для ростовщика надежным лицом, поэтому Кори-Ишкамба при первой встрече с дехканином Хамро рафиком интересуется его поручителем (заркафилем):

узбекский текст:

- Сколько денег взяв, сколько - ко прибыли мне хотите принести и кто ваш поручитель? (2, 61)

таджикский текст:

- ... сколько монет взяв взаймы, сколько прибыли хотите принести мне и кто является вашим поручителем (заркафилем)? (5,100)

Использование слова «заркафил», как и многих других слов и выражений в данных текстах, имеет стилистическую значимость. Включая в текст повести вопрос «Кто является вашим поручителем?», писатель связывает концы оборвавшейся нити повествования и восстанавливает связь понятия «заркафил» с понятиями «купчая кадия» («васикаи козй») и «закладывание в залог земли». Хамрорафик говорит: «Поскольку я закладываю в залог свои земли на основании купчей кадия, к чему вам еще поручительство? Поручитель (заркафил) нужен тогда, когда не имеет ничего за душой, чтобы отдать дающему под залог» (5, 102). Этот отрывок, отсутствующий в узбекском тексте, характеризует портрет Хамрорафика как смышленного и рассудительного дехканина.

Другой особенностью стиля С.Айни является обилие используемых в таджикских текстах романов и повестей стихотворных фрагментов. В таджикском тексте повести «Смерть ростовщика» писателем также использовано большое количество стихотворных отрывков. В том числе бейт: Если ростовщик из своих денег лепешку надломит (предложит кому либо), это подобно пословице «Стекло ломает наковальню, а мучная похлебка зубы» (Судхур аз пули худ нон шиканад гар, ба масал Шиша сандон шиканад, атола дандон шиканад) (5,7), - использованный в таджикском тексте в двух случаях, не приведен в узбекском тексте.

Писатель в процессе автоперевода использовал в таджикском тексте повести вышеприведенный отрывок стихотворения в качестве эпиграфа. Помимо этого, начальную часть сюжета повести, которая в узбекском издании выражена всего несколькими простыми предложениями, он даёт в широком толковании и таким образом обогащает читателя полезными историческими сведениями относительно особенностей обучения в медресе Бухары, изощренных канонически закрепленных религиозных хитросплетениях поведения представителей религии и чиновников.

Процитированный нами выше бейт использован писателем также и в другом месте таджикского текста 1953г. издания от имени Кори-Ишкамбы:

узбекский текст:

... В это время ему вспомнились слова, высказанные некогда поэтом в Бухаре в отношении ростовщиков:

- Если стекло когда -либо, расколлет камель, а похлебка ломает зубы, тогда и ростовщик, купив на свои деньги лепешку, надломит ее (2, 131).

таджикский текст:

В ответ на эти мои слова, прочел бейт стихотворения, написанного одним из поэтов того времени в отношении ростовщиков:

Если ростовщик из своих денег лепешку надломит (предложит кому-либо), это будет подобно пословице:

Стекло ломает наковальню, а мучная похлебка - зубы» (5, 171).

Единственное различие в этих отрывках – это использование бейта в таджикском тексте в соответствии с оригиналом. В узбекском тексте писатель приводит данный бейт по содержанию (Если бы стекло могло разбить камень, а похлебка сломать зубы, тогда бы и ростовщик, купив на свои деньги лепешку, мог бы съесть, надломив ее).

В целом, С.Айни при автопереводе уделяет огромное внимание стилистическим особенностям языка переводимого текста, национальной специфике, мировосприятию и эстетическому вкусу читателя – носителя языка. Поэтому таджикский и узбекский тексты повести «Смерть ростовщика» в то же время воспринимаются как самостоятельные художественные произведения.

В заключении диссертации подводятся итоги проделанной работы. Отмечается, что билингвизм, в особенности художественный билингвизм, являясь важным направлением литературоведения, занимает особое положение в формировании и развитии литературных взаимосвязей, что можно проследить на примере билингвистической деятельности таджикских и узбекских писателей.

Билингвизм в таджикской и узбекской литературах берет свое начало, в основном, в творчестве узбекского поэта XV в. Алишера Навои и впоследствии проходит путь поэтапного развития. В конце XIX и начале XX вв. таджикско-узбекское двуязычие среди узбекских и таджикских литераторов обретает огромную популярность, и одним из ярчайших писателей, внесших свой значимый вклад в развитие этого литературного явления в таджикской и узбекской литературах, был С.Айни. Размышляя относительно истоков обращения С.Айни к билингвистической деятельности, можно выделить следующие причины:

1. Укрепление положения языка и литературы тюркских народов, а также изучение в медресе диванов Навои и Физули.

2. В 1907-1918 гг. С.Айни преподавал в новометодных школах и по причине нехватки опытных учителей в этих школах осуществлял обучение учеников на двух языках – таджикском и узбекском. Свои учебники он также писал на двух языках.

3. Поскольку Советская власть в Бухаре утвердилась под названием «узбекская», все журналы и газеты вначале издавались на тюркском и татарском языках. С.Айни регулярно пользовался этими журналами и газетами и, таким образом, не только получал информацию, но и расширял свое мировоззрение.

4. В 1937 г., когда узбекские националисты, обрушившись с нападками на С.Айни, стали обвинять его в «национализме», он стал регулярно печатать свои произведения, ранее переведенные на узбекский язык, и именно в этот период обрел славу писателя-билингвиста.

5. Собственное желание С.Айни также было одной из причин его обращения к билингвизму. Когда в Самарканде и Бухаре с новой силой активизировалась деятельность пантюркистов против таджиков, возможно, С.Айни посредством своих произведений, написанных на двух языках, стремился восстановить былую дружбу и взаимопонимание таджикского и узбекского народов.

6. В конце концов создание произведений на двух языках стало одной из неотъемлемых особенностей его творчества, и писатель, вполне естественно, выступая как представитель двух литератур и носитель двух языков, осуществлял свою билингвистическую деятельность.

В таджикском и узбекском текстах повести «Смерть ростовщика» билингвистическая деятельность С.Айни нашла свое яркое отражение. Их сравнительный анализ представляет обширный материал для определения понятия «авторский перевод».

Благодаря созданию одного и того же произведения на двух языках был С.Айни заслужено признан выдающимся представителем двух литератур и воспитан в узбекской и таджикской литературной среде немало достойных учеников, продолживших традицию билингвистической деятельности.

Цитируемая литература:

1. Азимов С. Песня дружбы. – Ташкент: Фан, 1990. – 74 с. (на узб. яз.).
2. Айни С. Смерть ростовщика. – Ташкент: УГИ, 1947. – 144 с. (на узб. языке).
3. Айни С. Моя краткая автобиография. – Сталинабад: ТГИ, 1968. – 128 с. (на тадж. яз.).
4. Айни С. Воспоминания. Т.1. Ч.1-2. – Душанбе: Адиб, 1990. – 362 с. (на тадж. яз.).
5. Айни С. Смерть ростовщика / подг. науч. текста А. Кучарова. – Душанбе: Адиб, 2010. – 233 с. (на тадж. яз.).
6. Брагинский И.С. Исследования по таджикской культуре. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
7. Гафуров Б. Таджики. Ч. I-II. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 412 с. (на тадж. яз.).
8. Кучаров А. Проблемы текстологии таджикского литературоведения. – Душанбе: Маориф, 1994. – 140 с. (на тадж. яз.).
9. Шодиев Э. История таджикско-узбекских литературных связей (конец XIX – начало XX вв). – Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1973. – 118 с. (на узб. яз.).
10. Шукуров М. Введение в: Айни С. Образцы таджикской литературы. – Тегеран: Изд-во науки и культуры, 1380 х.л. – С. 2-17. (на перс. яз.).

